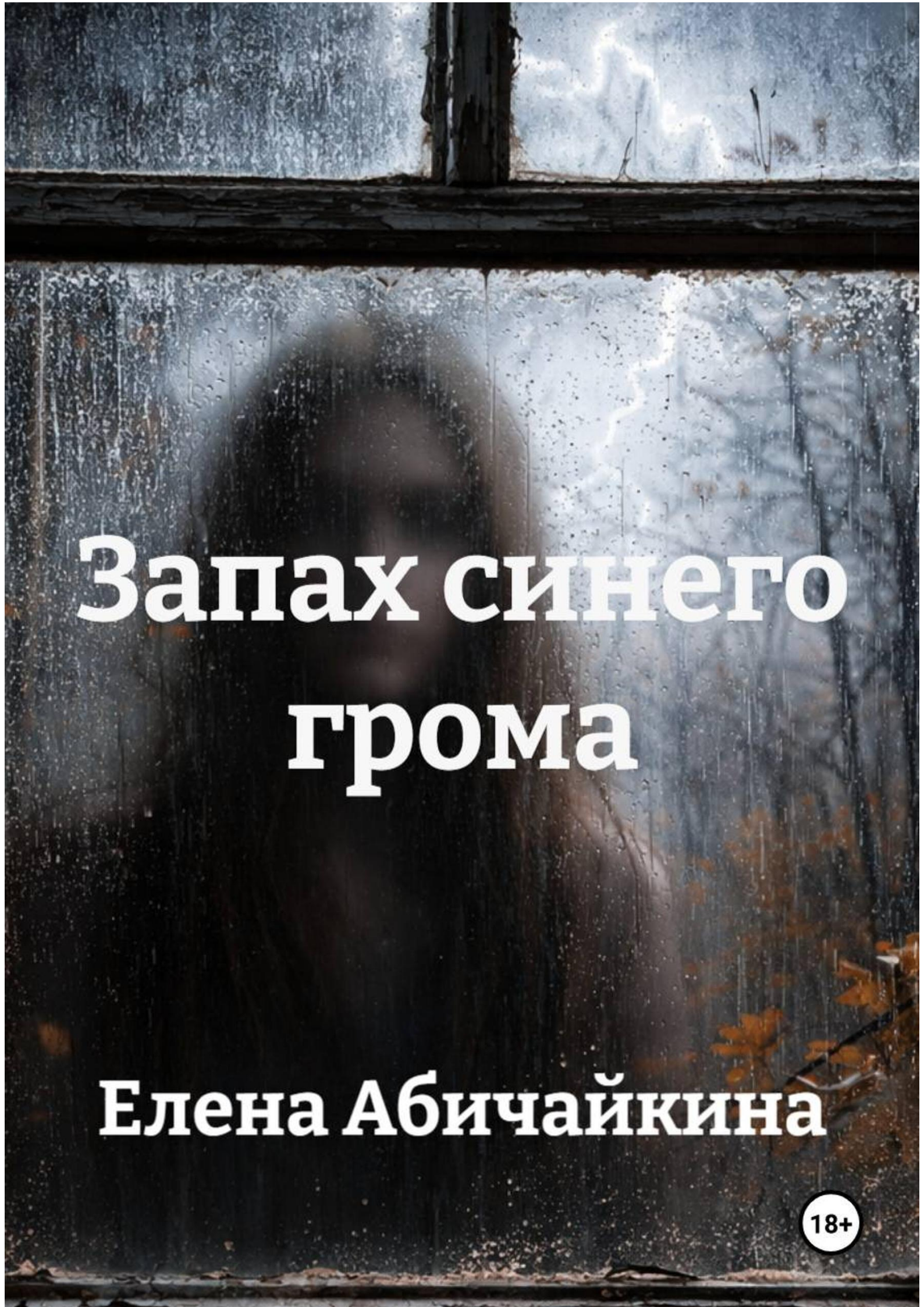

Запах синего грома

Елена Абичайкина

18+

Елена Абичайкина
Запах синего грома

«Автор»

2026

Абичайкина Е.

Запах синего грома / Е. Абичайкина — «Автор», 2026

Бывают дни, когда привычная реальность истончается и ломается с треском, как сухие ветки. Мир за окном теряет объём, уступая место зыбким, скользящим теням. Чтобы не разлететься на части, человек готов ухватиться за любой заговор против хаоса — будь то крепкий травяной сбор, тишина альпийских лугов или звенящий аромат лаванды. Но где проходит грань между спасительным покоем и необратимым уходом туда, откуда нет возврата? И что останется, когда надвинется гроза и воздух запахнет синим громом?

© Абичайкина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Запах синего грома

Пролог

По моим подсчетам я живу здесь — вечность. Но это теплая вечность, заключенная в стенах нашего дома.

Каждое мое утро начинается с ароматного травяного чая, собранного моей супругой на высокогорье. Она знает путь к тихим альпийским лугам, где растут травы, способные скреплять реальность.

Благодаря ее знаниям и тонкому чутью, душистые стебли и листья сплетаются в сильный сбор. Это не просто напиток. Это заговор против хаоса, растворенный в кружке.

Пробуждающая мята покалывает своими иголочками мое обоняние, уносясь глубоко внутрь. Она не просто будит. Она рассеивает утренний туман в моей голове, сметая паутину ночных кошмаров. Ее звонкий голосок звонит, как хрустальный колокольчик: «Просыпайся. Ты в безопасности».

Массивный и укоренившийся чабрец мчит свой тяжелый, смолистый аромат напрямик к моим венам. Он не просто придает сил. Он утяжеляет меня, прищипливает к полу, к стулу, к этому дню, не давая унести в зыбкие миры, где нет гравитации и можно разлететься на части.

Воздушная душица ласкает мой слух тихим шепотом. И этот шепот — точная копия голоса моей жены. Он латает мелкие трещинки на поверхности моего дня, не давая им разойтись в бездну.

Пока я пью этот чай, я живу, а тени за окном остаются просто тенями.

Глава первая

Я помню с чего все началось...

Понедельник. Урок геометрии. Я сидел за партой и рисовал в тетради черепаху. Учительница выводила мелом на доске длинные формулы. Я смотрел на свою черепаху. Синий силуэт животного медленно погружался в лист бумаги. Тонкие полоски голубой клетки тетрадного листа ломались с треском, как сухие ветки. Бумага затягивала черепаху, словно зыбучий песок. Правой лапкой она цеплялась за край уцелевшей клеточки, но провалилась. Холодная слизь скользнула по ногам. Метнулась к выходу. Просочилась в дверную щель. На полу остался след — густой, как студень.

Сказать, что меня сковал страх — нет. Скорее холодное, как металл любопытство окутало меня. Куда она делась?

Прозвенел звонок. Одноклассники в спешке закидывали учебники и тетради в портфели. Учитель повторял фразы про домашнее задание. Я сидел и смотрел на дверь.

— Как ты себя чувствуешь? Ты бледный. — В ответ я отвел глаза от двери и посмотрел на учительницу.

— Всё в порядке, — ответил я.

— Пойдём в медпункт, — сказала учитель и подошла ко мне, помогая встать и пройти с ней.

Я сложил вещи в портфель, и мы вышли из класса. В медпункте медсестра измерила мне давление и температуру.

— Физически в порядке, — сказала она. — Голова кружится?

— Нет.

— Точно?

— Да.

Учительница ушла. Медсестра задавала еще вопросы, я отвечал «норм». Она вздохнула, что-то написала в журнале и отправила меня домой.

Я открыл дверь своим ключом. В прихожей пахло жареным луком и ещё чем-то знакомым. Я поставил рюкзак на коврик, снял кроссовки, повесил куртку. Мама выглянула из кухни.

— Ты рано вернулся.

— Уроки закончились пораньше.

Она вытерла руки о полотенце.

— А почему не позвонил? Я бы встретила.

— Сам дошёл.

Она посмотрела на меня секунду.

— Лицо бледное. Ты не заболел?

— Нет. Просто устал.

Я повесил рюкзак на одно плечо и пошёл в свою комнату, не глядя на мать. Закрыв дверь. Швырнул рюкзак в угол, лёг на кровать и уснул.

В дверь постучали. Я услышал мамин голос.

— Обед готов. Иди поешь.

За обедом сидели втроём. Отец пришёл позже, сел напротив, потянулся к перечнице. Не глядя на меня, спросил:

— Как школа?

— Норм.

— Оценки?

— Норм.

Он кивнул и отправил кусок котлеты в рот. Медленно пережевывал её и проглотил. Мама поставила на стол соусы. На моей тарелке лежало картофельное пюре с подливом и две котлеты.

— Почему не ешь? – спросила мама.

— Не голоден.

— А в медпункт сегодня ходил?

Я поднял голову.

— Откуда знаешь?

— Учительница звонила. Сказала, ты побледнел на уроке.

Отец положил ложку.

— Что случилось?

— Ничего. Просто закружилась голова.

— Завтра к врачу, — сказал отец.

— Не надо. Всё прошло.

Мама хотела что-то сказать, но не сказала. Они молча переглянулись и продолжили есть.

Я поел, встал, убрал посуду в раковину.

— Я уроки делать. Спасибо, было вкусно.

Всё было как всегда. Только внутри тлел тихий гул- как холодильник ночью.

Перед сном мама померила мне давление и температуру.

— Завтра пойдём к врачу. Я предупредила твоего классного руководителя.

Она приобняла меня. Я дернулся.

— Спокойной ночи.

Она вышла, закрыла дверь.

Я лежал в темноте. Мама оставила включённой лампу в коридоре. Она всегда так делала. Из-под двери пробивалась тонкая жёлтая полоска света. Я смотрел на неё. Она лежала неподвижно. Потом я услышал шаги. Кто-то прошел в коридоре. Свет качнулся- тень перекрыла его на секунду. Шаги затихли. Полоска не двигалась. Потом мне показалось, что она стала длиннее. Нет. Не стала. Просто устали глаза. Я повернулся на бок, спиной к полоске, спрятал руку под подушку и закрыл глаза.

В углу комнаты кто-то начал скрестить. Колючая дрожь пронзила позвоночник. Я сжал подушку. Звук стих. Я лежал и прислушивался. Звук вернулся, стал ближе. Дрожь медленно поползла по телу. Я резко открыл глаза. Нос пронзила сладковатая вонь гниющей плоти.

Передо мной сидела черепаха. В глазах тлел желтый свет. Она смотрела прямо на меня. Из-под панциря торчали когтистые лапы- они механически двигались вверх- вниз. Комнату заполнил шершавый скрежет.

Я закрыл глаза. Когда открыл — её уже не было. Сквозь полумрак проступали очертания мебели. С улицы доносились приглушенные звуки проезжающих машин.

До утра я не сомкнул глаз. Я ждал, что она вернется.

Зазвенел будильник. В комнату постучалась мать.

— Вставай. Завтракаем и к врачу.

Поликлиника. В коридоре пахло лекарствами и хлоркой. Мы шли с мамой рядом. На скамейках сидели старухи. Разговаривали про огороды и молодость. Одна посмотрела на меня и покачала головой.

Мы остановились у таблички «Терапевт». Из кабинета вышел пожилой врач в очках и пригласил нас зайти. От него пахло йодом и старыми бумагами.

— Раздевайтесь до пояса.

Он слушал фонендоскопом спереди, сзади. Постучал по спине.

— Дышите. Не дышите. Одевайтесь.

Долго писал что-то в карте.

— Давление 90 на 60. Температура 36,6. По физикальному статусу — без патологий. Выдал направление к неврологу и ЭКГ.

Мать спросила:

— А что с ним? – спросила мать. — Он вчера чуть не упал.

— Возможно, вегетативная реакция. Или анемия. Выпишу направление на анализы и талон к неврологу.

В процедурный кабинет не было очереди.

— Можно пройти? — спросила мама.

— Проходите. – медсестра даже не подняла головы. – Имя, фамилия.

Я сел. Ответил. Она затянула жгут на руке, посмотрела мне в глаза. Ее взгляд был холодным, как медицинский лед.

— Зажми кулак.

Легкий прокол, и в пробирку потекла кровь. Я отвернулся. Больничная суета, пронизанная тоской и оптимизмом, наблюдала за мной.

— Теперь к неврологу, — мама обняла меня за плечо.

Я молча кивнул и покорно плелся за ней.

Невролог принимала на третьем этаже. К ней была очередь — отряд из старух, пересчитывающих свои заботы. «Что я здесь делаю»? – подумал я. Мама заняла очередь. Ждали недолго. Минут через пять из кабинета вышел мужчина.

— Андрей Лист здесь? – спросил врач.

— Да. Вот он. – ответила сразу мама.

— Проходите.

Мы зашли.

— Садитесь. На что жалуетесь?

— Ни на что. – начал я, но мать перебила:

— Он в школе побледнел. Учительница сказала, чуть не упал. Головокружение.

Врач посмотрел на меня.

— Часто кружится голова?

— Нет. Только вчера.

— Сон?

— Стабильно.

— Аппетит?

— Нормально.

Врач постучал молоточком по коленям, попросил встать, закрыть глаза, вытянуть руки. Я сделал.

— Дотронься кончиком пальца до кончика носа.

Я дотронулся.

— Пройдись немного.

Я прошел.

— Хорошо. Садись.

Он молча что-то записала в карту.

— Выпускной класс. Экзамены. Волнуешься?

— Не особо.

— Выпишу пока препараты. Пить по инструкции. Через два дня будут готовы анализы. Запишитесь на повторный прием.

Мать взяла рецепт.

— Что за препараты?

— Лёгкое успокоительное и витамины.

Мы вышли. Мать молчала, потом спросила:

— Ты правду говорил?

— Да.

Неделю я был на больничном и не ходил в школу. Мы с мамой ещё раз пришли на приём к врачу. Он сказал, что всё в порядке: слегка понижен сахар и гемоглобин. Выписал ещё препараты и закрыл больничный. Мне предстояла подготовка к выпускным экзаменам.

Глава вторая

Выпускной. Аттестат. Одна пятёрка по рисованию среди троек.

Я решил идти в армию. Не потому, что хотел. Просто не видел другого пути. Осенью восемнадцать — всё равно позовут. Лучше самому.

Лето прошло пусто. Днём помогал по дому, вечером сидел во дворе, смотрел на облупленные стены соседних домов. Время вязло, как старая смола. Когда пришла повестка, я испытал странное облегчение — будто кто-то наконец принял решение за меня.

Военкомат прошёл как у всех. Вопросы — стандартные. Печать: «Годен».

Эшелон, часть, распределение. Мотострелковые.

Казарма пахла мокрой тканью, сапожной мазью, хлоркой и чужой усталостью. Нас построили в первый же день, выдали форму, бельё, ремни, тумбочки — и приказали за десять минут привести всё в порядок. Шинели висели криво, сапоги жали, подворотнички натирали шею. Койки нужно было натягивать так, чтобы монета отскакивала.

Дни стали одинаковыми до тошноты. Подъём — рывком, под крик дневального. Построение на плацу, проверка формы, рапорт, бегом в столовую. После завтрака — строевая, уборка, занятия, снова уборка, снова построение. Всё время кто-то командовал, поправлял, торопил. Свободной минуты почти не было. Даже в строю нельзя было просто стоять — надо было держать спину, подбородок, взгляд, руки.

Тело постепенно начинало жить не по своей воле — по команде. Внутри, глубоко, тихо загудело. Что-то новое. Не как в школе — тяжелее.

Присягу принял через месяц — стоял на плацу с автоматом, повторял слова, и думал: «Теперь я не свой». В первый караул меня поставили через неделю после присяги.

Заступил в ночь со среды на четверг. Три часа. Тишина. Только ветер шевелит листву. Свет из казармы чуть разгонял тьму, вырывая из неё кусок травы и бетона.

Я стоял, смотрел по сторонам. Дышал ровно. Всё было спокойно. А потом справа кто-то двинулся. Я резко повернул голову. Из темноты выплыло нечто — тяжёлое, клубное, густое, как дым. Крокодильи лапы рвали землю, клыки блеснули в свете лампы. Огромное тело заканчивалось длинным крысиным хвостом. Хвост извивался, исчезал во мгле и снова появлялся. Морда нависла надо мной. Пахнуло гнилью. Я хотел закричать: «Стой! Стрелять буду!» — но из горла вырвался только хрип. А потом видение исчезло. Так же внезапно, как появилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.